

ГРИГОРИЙ ГОРИН, ЭЛЬДАР
РЯЗАНОВ

О БЕДНОМ
ГУСАРЕ
ЗАМОЛВИТЕ
СЛОВО

Григорий Израилевич Горин

О бедном гусаре замолвите слово

Серия «Киноповести»

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184031
Григорий Горин. Сценарии. Киноповести. Пьесы. Рассказы: У-Фактория; Екатеринбург; 1999
ISBN 978-5-4467-0140-7

Аннотация

«... Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

– Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе – смуты, волнения, – Мерзляев перешел на шепот, – кое-где баррикады. Вредные идеи – они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

– Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

– Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

– Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

– Болтают все, – глубокомысленно заметил Мерзляев. – Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками – и сразу будет ясно, что за человек. Спяну болтал или нет.

– Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

– Дорогой Иван Антонович, – грустно сказал Мерзляев, – такое время – ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички Божии, а что позволяют. – Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь-дурак...», «Царь-дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекопилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

– Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! – подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией. ...»

Содержание

Первая серия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Григорий Горин
О бедном гусаре
замолвите слово
Киноповесть,
написанная совместно
с Эльдаром Рязановым

Первая серия

«Это произошло лет сто, а может, и двести назад, так что очевидцев, скорее всего, не осталось... Поэтому никто не сможет упрекнуть нас в недостоверности» – эти слова принадлежали режиссеру, который на ходу давал интервью.

На съемочной площадке, как говорится, «смешались в кучу кони, люди»: шла подготовка к съемкам костюмного фильма. Грумер наклеивал актеру лихие гусарские усы. Костюмеры наряжали массовку в одежду горожан давно ушедшего времени. Консультант показывал, как гусары поили из кивера коней. На площадке, окруженный лошадьми, осветительными приборами, тонвагенами и лихтвагенами, стоял

вертолет. К нему, заканчивая интервью, направлялся режиссер.

«История, которую мы хотим показать, не опирается на подлинные исторические факты. Она настолько недостоверна, что в нее нельзя не поверить».

Взрвели винты. Вздрыбились лошади. Гусары схватились за кивера, не давая порывам ветра унести их. Вертолет взмыл в воздух... Остались позади залитые солнцем белые кварталы новостроек. Вертолет пролетал над великолепными пейзажами: реки, перелески, озера, поля. Полилась ностальгическая русская мелодия. Она как бы уводила нас из сегодняшних дней в давно минувшие. И вот перед нашим взором возникли снятые с высоты птичьего полета старинные дворцы, парки и замки. Кусково и Петродворец, Архангельское и Павловск, Марфино и Царское Село.

Продолжает звучать г о л о с з а к а д р о м:

«Эта история приключилась в то замечательное время, когда мужчины владели шпагой лучше, чем грамотой, и шли бесстрашно не только в бой, но и под венец; когда женщины умели ценить бескорыстную любовь и вознаграждали ее приданым; когда наряды были такими красивыми, а фигуры такими стройными, что первое было не стыдно надевать на второе.

Это было время, когда царь обожал свой народ, а народ платил ему тем же и еще многим другим.

Это было время, когда лучшие умы России мыслили, но

молчали, поскольку им затыкали рты, а худшие говорили, хотя, между прочим, могли бы и помолчать...

Впрочем, может быть, все было и не совсем так. Если вдуматься, эта история – сказка, слегка приукрашенная правдой, если не вдумываться, – тем более...».

По проселочной дороге ехала снятая с вертолета черная карета, запряженная четверкой. Ее сопровождали два конных жандарма.

Г о л о с з а к а д р о м :

«Извините, что мы начинаем нашу комедию с эпизода, несколько непривычного для веселого жанра. Дело в том, что узника, которого везут в этой карете, решили отправить на тот свет».

Из остановившейся кареты двое жандармов вывели человека со связанными руками и черной повязкой на глазах. Жертва, как и полагалось для столь торжественного случая, была одета весьма эффектно: белая батистовая рубашка с кружевной оторочкой, распахнутая на груди, черные бархатные штаны и до блеска начищенные тюремным надзирателем сапоги.

Приговоренного подвели к крутому обрыву над рекой, на другом берегу которой в дымке утреннего тумана вырисовывался силуэт спящего русского городка...

Поручик приказал пятерым солдатам занять места, а священник подошел к приговоренному с протянутым для последнего поцелуя крестом. Однако смертник демонстратив-

но отвернулся в сторону, и священник безучастно убрал крест себе за пазуху.

За всей этой церемонией наблюдал всадник – зловещая фигура в черном плаще.

Г о л о с з а к а д р о м :

«Разрешите представить вам одного из главных и активно действующих лиц. Для людей несведущих поясним: он одет в форму офицера третьего отделения. И в данном случае форма, как говорится, соответствует содержанию. Фамилия ему – Мерзляев».

– Наряд! – громко скомандовал поручик. – Ружья в изготовку! В преступника-бунтовщика, изменника царю, вере и отечеству, це-е-льсь!

Солдаты послушно подняли ружья, навели на жертву.

– Палачи! Сатрапы! Душителы свободы! – гневно воскликнул приговоренный и потряхнул благородной головой.

Один из солдат дрогнул и опустил ружье.

– Степанов! – испуганно зашипел поручик. – Подними ружье, сукин сын.

– Не могу, – тихо сказал солдат. – Ваше благородие, это же свой... русский.

– Какой он тебе «свой»?! – снова зашипел поручик. – Сам под пулю захотел?

– Пускай! – вздохнул солдат и бросил ружье на землю. – Не могу!

– Из какой роты этот гуманист? – ласково спросил Мерз-

ляев и сделал знак жандармам.

– Из пятой! – буркнул поручик и опустил голову.

Жандармы подошли к Степанову, привычным движением надели на него кандалы и отвели в черный экипаж.

– Продолжайте! – мягко попросил Мерзляев.

– Господин штабс-капитан, – нерешительно обратился к Мерзляеву поручик. – А может, сами скомандуете? Вам такие дела сподручней...

– Голубчик, – дружелюбно сказал Мерзляев, – кабы расстреливали офицера, ну, скажем, вас, я бы скомандовал. А с этим субъектом, думаю, вы и сами справитесь.

Поручик закрипел зубами, сжал кулаки и вдруг остервенело крикнул: «Солдаты! Пли!!!» Грохнул залп. Расстреливаемый вскрикнул, пошатнулся и, став расстрелянным, скатился с обрыва.

– И все дела, – спокойно сказал Мерзляев. – Спасибо, братцы!

– По коням! – заорал поручик, и солдаты, стараясь не глядеть в глаза друг другу, быстро вскочили на коней и ускакали прочь.

Священник перекрестился, поднял полы рясы и тоже поспешно удалился.

Мерзляев тронул поводья, медленно подъехал к обрыву, глянул вниз. Убиенный лежал у края воды, широко раскинув руки...

– Вставай, карбонарий хренов! – брезгливо крикнул

Мерзляев.

Расстрелянный ожил, стянул с глаз повязку, резко вско-чил, но вдруг застонал, схватившись за колено.

– Ногу подвернул, ваше благородие, – пожаловался он.

– Сегодня плохо работал, Артюхов! – сказал Мерзляев. – Кричал ненатурально. Жестикулировал скверно... Надрался, небось, с вечера мошенник?

– Как можно, ваше благородие? – бормотал Артюхов, влезая по склону вверх. – Я перед работой – ни-ни... Никогда! Обрыв уж больно крутой... Нешто можно – живого человека на таком месте расстреливать?

– Пошевеливайся! – недовольно приказал Мерзляев. – Нам в соседний полк еще поспеть надо! – И добавил, обращаясь к жандарму: – Помоги-ка ему!

Затем Мерзляев тронул поводья и поскакал в направлении города.

– Прибавить бы за сегодняшнее дело, ваше благородие! – прокричал ему вслед Артюхов. – Кувыркаться-то сколько пришлось... Это уж, ей-богу, не расстрел, а мука!

– Почему вам платят? – спросил жандарм, помогая прихрамывающему Артюхову.

– Да ерунду... Тридцать гривен за расстрел. А сейчас пучок лука – пятак. У меня семья...

– Все-таки тридцать гривен – и ни за что...

– «Ни за что»? – возмутился Артюхов. – Да ты встань на мое место... Кричишь им всякие благородные слова в тем-

ноте, а у самого сердце екает. Вдруг какому обормоту пулю настоящую положили...

– Слушайте, а на кой всю эту камедь придумали? – спросил жандарм.

– Пентюх ты, Никита. – В голосе Артюхова прозвучала покровительственная нотка. – Государственное дело делаем! На мне люди проверяются: кто – за, а кто – против...

– А вешать вас не пробовали? – поинтересовался жандарм.

– Чего? – изумился Артюхов. – Ну, ты скажешь! Там же холостую петлю не сделаешь.

– Для вас и настоящей не жалко, – сказал жандарм. Но, увидев перекошенное лицо Артюхова, испуганно добавил: – Извините, господин тайный агент, шутю...

По селу бегут мальчишки,
Девки, бабы, ребятишки, —
Словно стая саранчи.

В трубы дуют трубачи!

Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Раздаются тары-бары:

«К нам приехали гусары!

Все красавцы усачи!

В трубы дуют трубачи!»

Туру-рум! Ту-ру-рум! Ту-ру-рум!

Под эту лихую песенку в город Губернск вступал гусарский полк.

Перед полком шагал военный оркестр во главе с капельмейстером, наявивая залихватский марш. Впереди на лихом белом коне гарцевал бравый старый полковник, лет эдак аж тридцати восьми. За ним, под звонкий цокот копыт, выплывали ослепительные майоры, волшебные штабс-капитаны, неотразимые поручики, восхитительные корнеты... Зеленые кивера с оранжевыми султанами, малиновые доломаны, расшитые золотом, серебряные ментики с меховой опушкой, атласно-голубые попоны под кавалерийскими седлами, в которых упруго размещались белоснежные панталоны с вшитыми в нужное место заячьими лапками, – одним словом, в город въехало все, что устрашало врагов и пленяло женщин.

А женщины города Губернска были не робкого десятка и шли навстречу опасности грудью вперед. На балконах, в распахнутых окнах домов, в витринах лавок и в оживленной толпе мелькали очаровательные локоны, манящие улыбки, завлекательные глазки и соблазнительные ножки – одним словом, все, что вдохновляет военных на штурм. Эту радостную картину не могли омрачить даже постные лица мужей, которые чувствовали себя ненужными на этом празднике жизни.

На углу главной улицы стояла черная запыленная карета, обляпанная грязью, из которой выглядывала физиономия Мерзляева, светившаяся патриотической улыбкой.

– Орлы ребята! – с гордостью обратился Мерзляев к сидевшему в той же карете Артюхову, но, когда тот попытался высунуться в окно, Мерзляев резко осадил его:

– Куда! Болван! Ты свою рожу не афишируй...

Полк продолжал торжественное шествие по городским улицам. Когда гусары поравнялись с зоологической лавкой, в ее витрине показался ликующий хозяин с ликующими чадами и домочадцами. Каждый из стоявших держал клетки с попугаями.

– Нашему доблестному гусарскому воинству – у-ра-а! – закричал хозяин лавки и сделал знак домочадцам.

– Ур-ра! – закричали домочадцы.

Хозяин подмигнул попугаям и даже чуть присвистнул: «Фьють».

– У-ра! – один за другим закричали попугаи...

В заведении мадам Жозефины, несмотря на середину дня, ощущалось раннее утро: полуодетые, невыспавшиеся барышни причесывались, зевали, пили чай, слонялись из угла в угол.

Появилась взволнованная мадам Жозефина – элегантная француженка лет сорока.

– Мадемуазель! Большой радость!.. Темпераментный гусар вошел в город... Каникулы кончатся. Будет много работы... Требь ян! Требь ян!

Барышни вяло отреагировали.

– Тебе-то «требь ян», – проворчала одна из барышень, – а нам отдувайся...

– В деревню хотела отпроситься, – сказала девица по имени Жужу, – теперь, стерва, не пустит...

Барышни выползли на балкон.

– Все радуется, – потребовала Жозефина. – Общий виват!

– Виват! – вразной заорали барышни.

Гусары при виде жриц любви все как один повернули головы и сделали равнение на балкон. Галантный полковник отдал честь. Один из гусаров, Алексей Плетнев, пришел в радостное возбуждение, конь под ним совершил подлинный цирковой трюк: переступая ногами, почти танцуя, он вынес всадника к балкону, а потом, шаркнув копытом, сделал поклон.

Девушки взвизгнули от радости и зааплодировали.

Во дворе городского театра шла погрузка на подводы и фуры театральных декораций: передвижная драматическая труппа покидала Губернск в унылом состоянии. Выносили и складывали в ящики костюмы, реквизит, личные вещи.

Трагик Бубенцов влез на повозку и простер руки в направлении города.

– О Губернск непросвещенный! – заорал он. – О кладбище талантов! О скопище малограмотных плебеев... О... О... – Трагик на секунду задумался и затем спокойно закончил проклятие: – Чтоб вы все сдохли... Трогай, дочка, – добавил

он, обращаясь к молодой девушке, сидящей на козлах. – Федор, открывай ворота!

Караван тронулся. Федор, один из артистов труппы, распахнул ворота, и сразу во двор ворвался грохот военного марша. В проеме ворот показались гусары.

Бубенцов замер.

– Стой, дочка! – заорал он через секунду. – Остаемся! Что у нас в репертуаре из жизни офицеров?

– Отелло, что ли, – неуверенно сказал один из актеров.

– Годится, – одобрил Бубенцов. – Злободневная вещица: красотка вышла за генерала. Роли расходятся? – Он деловито оглядел труппу. – Отелло – я, Кассио – Марк, так... Яго – Федор. Вылитый Яго! Анна, ты сыграешь Эмилию, а ты, дочка, – Дездемону.

– Что вы, папенька! – побледнела Настенька. – Я же роли не знаю...

– Суфлер знает, – успокоил Бубенцов.

– Но ведь страшно... Господа офицеры... Как перед ними играть?

– Громко! – подытожил Бубенцов.

На центральной площади, возле здания городского театра, цвет Губернска готовился к встрече доблестного воинства. Держа в руках поднос с хлебом-солью, впереди всех стоял породистый губернатор с еще более породистой губернаторшей. Позади них толпилось менее породистое дворянство,

духовенство и чиновничество...

Полк, продолжая свое победное вступление в город, появился на центральной площади, и вдруг случилось непредвиденное: прямо перед носом колонны через улицу, усыпанную цветами, пробежала отвратительная черная кошка.

Оркестр встал как вкопанный. Музыка сбилась и смолкла. Полк замер. Толпа затаила дыхание.

Торжественная процессия, во главе с губернатором и хлебом-солью, тоже остановилась.

Возникла неловкая пауза. Хозяева города и гости стояли друг против друга, не смея сделать рокового шага.

На мужественном, покрытом боевыми шрамами лице полковника Покровского мелькнуло секундное колебание. Но затем он трижды плюнул через левое плечо, вздыбил коня, выхватил клинок и скомандовал:

– За мной, ребята!

И на полном скаку первым пересек воображаемую опасную черту.

Полк ответил громогласным «ур-ра!» и поскакал за бесстрашным командиром. Оркестр вновь грянул марш.

Счастливая толпа завопила «виват!», в воздух полетели чепчики и другие части туалета...

Вечером театр города Губернска был и впрямь переполнен: офицеры пришли посмотреть на местных барышень и дам, а дамы и барышни пришли показать себя офицерам. В

этой напряженной обстановке актерам было довольно трудно привлечь внимание к себе, поэтому они играли громче, чем обычно. За ходом спектакля следили лишь обреченные мужья города Губернска, тем более что на сцене бушевали страсти ревнивого венецианского мавра, заподозрившего свою жену в любовной связи с офицером, что делало трагедию как никогда актуальной...

Трагик Афанасий Бубенцов, вымазанный сажей, сверкая белками глаз, с помощью суфлера обвинял в неверности Дездемону, которую изображала его родная дочь Настенька.

– Сегодня я схватил ужасный насморк! – подавал текст суфлер, и Бубенцов, как громогласное эхо, оповещал об этом весь зал. – Как надоел! Поддай мне твой платок!

– Вот он, – нежно сказала Настенька, услышав шепот суфлера.

– Нет! Тот, что подарил тебе я, – попугайствовал Бубенцов.

– Он не при мне.

– Нет?! – саркастически усмехнулся мавр.

– Нет, – простодушно ответила Дездемона.

– Нехорошо!

В этот драматический диалог неожиданно ворвался звук хлопнувшей двери – в зал вошел корнет Алексей Плетнев. (Поскольку он является героем нашего повествования, опишем его подробнее, тем более что часть публики оглянулась и смотрит на него... Он молод, высок, строен. На его румя-

ном лице, как два кинжала, торчат задиристые усы. Неправильные черты лица, нос картошкой, растопыренные уши не давали повода считать его красавцем, но он был хорош собой, черт бы его побрал!)

Ничуть не смутившись, корнет окинул хозяйским взглядом весь женский личный состав, пришел в восторг, послал несколько воздушных поцелуев в разных направлениях и стал пробираться к своему креслу, наступая на чьи-то ноги, ежесекундно громко выкрикивая «пардон!».

– Кто этот невежа? – спросил губернатор у сидевшего рядом командира полка. – Всего лишь корнет, а позволяет себе...

– Плетнев! Лешка! – В грубоватом голосе полковника слышалась гордая отцовская нотка. – Стервец!.. Герой! А в корнеты разжалован за дуэль.

– Дуэль была из-за женщины? – игриво спросила губернаторша.

– Разумеется, сударыня, – ответил полковник. – Из-за двух!

Жена губернатора посмотрела на Плетнева, потом перевела взгляд на мужа, вздохнула и грустно стала смотреть на сцену, где шла своя трагедия.

Дездемона секретничала с Эмилией. Суфлер подсказывал тему для беседы и той и другой...

«Дездемона. Неужели в самом деле есть женщины, способные мужей обманывать так низко?»

Э м и л и я. Без сомненья, немало их...

Д е з д е м о н а. А ты так поступить решилась бы? Когда б тебе давали хоть целый мир?

Э м и л и я. А вы бы разве нет?

Д е з д е м о н а. Нет! Никогда! Клянусь небесным светом!»

В голосе Настеньки Бубенцовой прозвучал пафос добродетели. Губернские мужья бешено заплодировали, одобряя эту целомудренную программу. Один из мужей даже вскочил и закричал: «Браво! Молодец, Дездемона!» В ту же секунду молодой гусар (в полку его прозвали Симпомпончик) привычным жестом сует записку его жене, та таким же привычным жестом сунула записку за корсаж... Муж уселся и высокомерно покосился на Симпомпончика – тот с подчеркнутым равнодушием смотрел на сцену.

Плетнев восхищенно уставился на Дездемону.

– Экий розанчик! – громко воскликнул он и ткнул локтем своего соседа, которым оказался штабс-капитан Мерзляев, одетый во фрак. – И давно она здесь?

– С начала пьесы, – пожав плечами, ответил тот.

– А я, дурак, опоздал! Хороша! Верно?

– Обворожительна! – согласился Мерзляев. – Шарман! Очень пикантна. В ней есть что-то такое... – И Мерзляев, наклонившись к уху корнета, шепнул: – Думаю после спектакля рискнуть...

– Тут либо думать, либо рисковать! – решительно сказал

Плетнев, поднялся и пошел по ряду, вновь наступая на чьи-то ноги и прося прощенья...

Когда через несколько минут Настя Бубенцова временно покинула сцену, она наткнулась в кулисах на усатого верзилу с букетом цветов.

– Сударыня, разрешите представиться: корнет Плетнев! Очарован вами и, чувствуя прилив в душе...

– Извините, мне некогда! – сухо сказала Настенька и прошмыгнула в костюмерную комнату. Тут же без стука туда вошел корнет.

– ...и, чувствуя прилив в душе, – продолжал он начатую фразу, – почту за честь пригласить вас сегодня на ужин...

– Мне надо переодеться! – взмолилась Настенька.

– Ни в коем случае! Вы в этом платье... ну просто нимфа, – сказал Плетнев и уселся на стул.

– Пошел вон! – разгневалась Настенька и, увидев, что корнет не трогается с места, схватила рубашку и выбежала из костюмерной.

Через секунду, в одной ночной сорочке, она сидела на сцене в спальне венецианского дворца, где по сюжету должна была состояться знаменитая сцена удушения...

– Кто здесь? Отелло, ты? – подсказал суфлер. И Настенька повторила этот вопрос, вложив в него всю необходимую гамму чувств.

– Я, Дездемона, – не стал отпираться появившийся Отелло.

– Что ж не идешь ложиться ты, мой друг? – Настенька протянула мавру зовущие трепетные руки... и обомлела. В суфлерской будке вместо старичка суфлера появилась усатая румяная рожа.

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – поинтересовался мавр.

Настенька молчала, не в силах оторвать изумленного взгляда от суфлерской будки.

– Сударыня! – страстно сказал Плетнев. – Если вы верите в любовь с первого взгляда, она – перед вами!

– Вы с ума сошли! – прошептала Настенька.

– Не спорю, – согласился Плетнев. – И счастлив этим!

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – повысил голос Отелло.

– Уйдите! – свирепо зашипела Настя корнету. – Я текста не знаю...

– Слушай, Дездемона, в конце концов: молилась или нет? – перешел на прозу Отелло и, перехватив полный ужаса взгляд партнерши, глянул в суфлерскую будку.

Плетнев приветливо помахал оторопевшему мавру рукой: «Миль пардон, господин арап, буквально несколько слов, антр ну!» – И снова обратился к даме сердца:

– Сударыня, один ваш взгляд – и карета ждет у театра.

Зал, почувствовав некоторую заминку на сцене, впервые заинтересовался представлением. Воцарилась зловещая пауза. Актеры не знали, что делать.

– Дездемона! – вдруг закричал находчивый Бубенцов и, к изумлению всего зала, снял с ноги туфлю и запустил ею в суфлерскую будку. – Там – мышь! Там – мышь! – объяснил он свой странный поступок партнерше.

Туфля в ту же секунду, подобно бумерангу, вылетела обратно и угодила мавру в физиономию.

– Ах так! – взбесился мавр. – Ну, скотина, я тебе покажу! – Он подскочил к суфлерской будке и стал пинать невидимого залу Плетнева.

Публика зашумела, почувствовав, что трагедия развивается по новому, не предвиденному сюжету.

– Кого это он там? – простодушно поинтересовался Симпомпончик у мужа.

– Это гипербола, – снисходительно пояснил муж. – Неужели неясно?!

– Я понял, что гипербола, но ногами-то зачем?

Защищаясь от ударов, Плетнев дернул разъяренного мавра за ногу, отчего тот грохнулся на пол.

– Папочка! Ты ушибся! – закричала Дездемона своему чернокожему мужу, тем самым совершенно сбив с толку зал.

– То есть как «папочка»? – изумился губернатор. – Она – его жена!

– Это безобразие! Что вытворяют эти комедианты! – воскликнула жена губернатора, поднялась и демонстративно направилась к выходу.

– Терпенью моему пришел конец! Сейчас за все получишь

ты, подлец! – неожиданно в рифму продекламировал трагик и, схватив со стены, висевший среди прочего оружия, лук, выпустил стрелу в направлении суфлерской будки.

Тут же раздался истошный женский визг: стрела угодила губернаторше в место, которое она только что оторвала от стула...

Коридор тюрьмы города Губернска. По коридорам хозяйским шагом двигался штабс-капитан Мерзляев. Конвоиры при виде офицера из Петербурга вытягивались во фронт.

Г о л о с з а к а д р о м:

«Разные профессии встречаются на свете. Профессией господина Мерзляева было наблюдать, надзирать, присматривать – одним словом, блюсти. Этому трудному, благородному делу он посвятил себя без остатка. Он служил не за страх и не за совесть, поскольку он не имел ни того, ни другого. Просто он любил это дело... Вот и сейчас, несмотря на раннее время, он исполнял свой патриотический долг. Исполнял его он в помещении тюрьмы, а именно в кабинете начальника этого общедоступного заведения».

Мерзляев открыл дверь кабинета. В кабинете на письменном столе стояли четыре клетки с попугаями, а в двух шагах от стола дрожал бледный от страха хозяин зоологической лавки.

– Извините, господин Перцовский, – сказал Мерзляев, усаживаясь за стол. – Все время отвлекают...

– Понятно, – подобострастно засуутился хозяин лавки. – Такой начальник из... столицы. Столько дел... Ни минуты покоя.

– Я рад, господин Перцовский, что вы меня пожалели, – усмехнулся Мерзляев. – Однако вернемся к нашим баранам... – Он повернулся к клетке с попугаями. – Послушаем еще разок. Фью-ить... Фью-ить! – присвистнул Мерзляев.

Первый попугай немедленно захлопал крыльями и отозвался: «Царь-дурак!»

Второй подхватил: «Царь-дурак!»

Тут же включился третий: «Царь-дурак!»

Четвертый попугай пришел от этих криков в дикое возбуждение, заметался по клетке и заорал громче остальных: «Дурак! Дурак!» – и неожиданно добавил: «Долой царя!»

– Не виноват! – взмолился хозяин лавки. – Господин офицер, не учил я их этому... Ей-богу!

– Сами, что ль, додумались? – иронизировал Мерзляев.

– Я ж объяснял, ваша милость, я купил одну птицу на рынке...

– У кого?

– У мужика какого-то. С большой бородой. А этот попугай и научил всех остальных.

– Где ж зачинщик? – поинтересовался Мерзляев.

– Мужик, что ль?

– Попугай...

– Улетел, как назло.

– Бежал, значит, – усмехнулся Мерзляев. – Ну хорошо. Допустим: первый научил второго, второй – третьего... Я еще могу понять. Но вот этот-то мерзавец – он ткнул пальцем в клетку с четвертым попугаем, – он же не просто повторяет, он выводы делает!

– Не губите! – Хозяин лавки рухнул на колени. – Я старый, больной человек. У меня – астма. Господин штабс-капитан, я с этими попугаями не согласен! Хотите, я вам их на ужин зажарю?..

Бесшумно открылась дверь, в помещение на костылях вошел Артюхов, волоча забинтованную ногу.

– Ваше благородие, – сказал он, обращаясь к своему шефу, – к вам – господин полковник Покровский.

– Подождет, – небрежно бросил Мерзляев. – Я занят.

– Я доложил, что заняты, а он буйствует. Как бы тюрьму не разнес!

– Ничего, – усмехнулся Мерзляев. – У нас, слава Богу, тюрьмы крепкие. Не только полковников, генералов успокаивали. Ну, а вы, голубчик, – обратился он к несчастному хозяину лавки, – ступайте домой... Даю два дня, чтобы найти зачинщика...

– Где ж я его найду? – побледнел хозяин лавки. – Это ж попугай. Он, может, уже в Африке...

– Я не о попугае. Я о мужике, который его продал... А птички ваши покуда посидят у нас...

Хозяин лавки печально встал с колен, поплелся к двери,

обернулся:

– Господин начальник, а ежели их кормить – они молчат.

– Это что ж? Намек? – тихо спросил Мерзляев.

Хозяин лавки понял, что усугубил свое горестное положение, и, схватившись за голову, выбежал из кабинета.

Как только за ним закрылась дверь, Артюхов жалобно произнес:

– Ваше благородие, завтра работать не смогу... Нога распухла. Болит, сил нет...

– Ты что? – Мерзляев встал из-за стола. – Срывать секретное предписание?! А кого я завтра к стенке поставлю?

– Поставить-то меня можно, – вздохнул Артюхов. – Упасть не смогу...

Мерзляев не успел ответить, как с грохотом распахнулась дверь и в кабинет кубарем влетел жандарм, выронив ружье, а следом, потирая ушибленную о физиономию жандарма руку, ворвался полковник Покровский.

– Я понимаю, когда из тюрьмы не выпускают! – прорычал он. – Но когда не впускают, это – хамство!

– Дорогой полковник! – Мерзляев с радостной улыбкой поспешил навстречу Покровскому. – А вы двое – брысь отсюда! – турнул он Артюхова и жандарма. Те поспешно удалились. – Как я рад видеть вас в нашем доме.

Мерзляев сердечно протянул руку командиру полка, тот секунду поразмышлял, все-таки ответил на рукопожатие, после чего демонстративно и тщательно вытер собственную

руку о собственные штаны.

Мерзляев заметил этот жест, но сделал вид, что не заметил, и продолжал любезно улыбаться.

– Ну вот что, господин Мерзляев. – Армия решительно пошла в атаку на жандармерию. – Я получил предписание оказывать всяческое содействие вашей тайной миссии. И как солдат обязан повиноваться! Но как благородный человек и дворянин не позволю из своих гусар делать палачей. У вас для этого жандармов предостаточно.

– Дорогой мой... – Мерзляев незаметно скосил глаза в бумагу. – Дорогой Иван Антонович, это не я изобрел...

– Надо ж додуматься! – продолжал кипеть Покровский. – Боевых офицеров на расстрелах проверять...

– А на чем же, дорогой? Не на танцах же...

– Это гадко! – крикнул полковник.

– Не спорю, – согласился Мерзляев.

– Отвратительно!

– Вы совершенно правы...

– Это подло!

– И я такого же мнения, – вздохнул Мерзляев. – Более того, его превосходительство, шеф нашего третьего отделения, тоже возмущен. По секрету добавлю: сам государь император пришел в негодование и порвал бумагу, но потом велел склеить и подписал... Надо! Понимаете, Иван Антонович, надо! Все мы так: мучаемся, но дело делаем.

– А я как благородный человек и дворянин заявляю: по-

целуйте меня в одно место!

– А я вам как благородный человек и дворянин заявляю, – повысил голос Мерзляев, – если отечество потребует, – поцелую!

Тут жандармерия перешла в атаку на армию:

– Дорогой Иван Антонович! Время-то сейчас трудное... В Европе – смуты, волнения, – Мерзляев перешел на шепот, – кое-где баррикады. Вредные идеи – они в воздухе носятся. Там выдохнули, здесь вдохнули... На кого государю опереться? Кому доверять? Только армии... Но, как говорится, доверяй, но проверяй...

– Ну, вы мой полк не марайте! Мои орлы не дураки! Газет не читают, книг в глаза не видели, идей никаких не имеют!

– Не надо перехваливать, Иван Антонович... Вот, например, получен сигнал: некий корнет Плетнев в одной компании вольнодумно высказывался.

– Да мало ли что спьяну сморозил?! Все болтают.

– Болтают все, – глубокомысленно заметил Мерзляев. – Не на всех пишут... А вот поставим его лицом к лицу с бунтовщиками – и сразу будет ясно, что за человек. Спьяну болтал или нет.

– Я за Плетнева ручаюсь как за себя!

– Дорогой Иван Антонович, – грустно сказал Мерзляев, – такое время – ни за кого ручаться невозможно... Вот, послушайте... Вроде бы птички Божии, а что позволяют. – Он свистнул, и попугаи немедленно отозвались: «Царь-ду-

рак...», «Царь-дурак...», «Дурак!», «Долой самодержавие!»

Лицо полковника перекошилось. Мерзляев тоже несколько изумился новой формулировке попугая.

– Вот такие настроения витают не только в обществе, но и в природе! – подытожил Мерзляев, радуясь тому, что жандармерия в который раз одержала победу над армией.

На улице перед зданием городской тюрьмы Настенька Бубенцова пыталась уговорить караульного пропустить ее внутрь. Караульный, однако, был непреклонен.

Настенька пыталась сунуть караульному кредитку, тот оглядел кредитку и презрительно вернул ее...

Г о л о с з а к а д р о м:

«Тюрьма Губернска не входила в число достопримечательностей этого славного города: примитивное, безвкусное здание с решетками на окнах. Одним словом, тюрьма как тюрьма. Внутренняя отделка казематов тоже не радовала глаз. Но, в конце концов, не в этом дело. Как говорится, не место красит человека, а наоборот...»

Узник Бубенцов являл собой яркое пятно на фоне унылых тюремных сцен – ведь его привезли прямо со спектакля в мундире генерала Венецианской республики. Бубенцов старательно пытался стереть с лица сажу, заменявшую в те далекие времена грим.

– Ну как? – спросил он наблюдавшего за его стараниями тюремщика. – Очистился?

– Арапом быть перестал, – подумав, сказал тюремщик, – но и до русского тебе еще мыться и мыться... Сдавай!

Бубенцов взял колоду карт.

– Значит, так, – говорил мулат Бубенцов, мастерски тасуя колоду. – Мои сапоги против твоей табакерки.

– Табакерка бронзовая, – набивая цену, сказал тюремщик.

– Сапоги генеральские, – парировал Бубенцов.

— Сапоги-то поношенные, – скривился тюремщик.

– А табакерка занюханная, – отбрил Бубенцов.

– Сдавай! – вздохнул тюремщик.

Играли, естественно, в «двадцать одно», или попросту – в очко.

– Двадцать! – Тюремщик радостно открыл свои карты.

– Два туза! – ласково произнес Бубенцов и взял табакерку. – Хорош табачок, – добавил он, нюхая. – Теперь предлагаю так: моя табакерка против твоей сабли.

– Заключенному сабля не положена! – заупрямился тюремщик.

– Отдашь, когда выйду на свободу, – нашел выход Бубенцов.

– Если проиграю тебе саблю, меня ж посадят, – справедливо рассудил тюремщик.

– А ежели посадят, зачем тебе сабля? Заключенному сабля не положена.

– Тогда сдавай! – махнул рукой тюремщик, сраженный безупречной логикой партнера.

Карты были розданы, тюремщик попросил еще одну и с отвращением швырнул их на скамью:

– Перебор, чтоб ты сдох! – Рука тюремщика рванулась к сабле.

– Не торопись, – испуганно остановил его Бубенцов, – я ж сказал: потом отдашь, потом.

Заскрипела тюремная дверь. В камеру вошел здоровый детина с рожей, не предвещавшей ничего доброго. Это был тюремный экзекутор.

– Бубенцов! – пробасил он. – На экзекуцию!..

Тюремщик сладострастно захихикал:

– Ну, везунчик! Сейчас наш Степа за меня отыграется...

Он из тебя краснокожего сделает.

– Позор! – завопил Бубенцов. – Пороть артиста! Дикость!

Куда мы только идем?

– В подвал! – коротко ответил на этот риторический вопрос громила и поволок извивающегося Бубенцова из камеры...

Через несколько минут хромавший по тюремному двору Артюхов услышал нечеловеческие вопли, доносящиеся из подвала:

– Ой!.. Мама, мамочка! Больно!.. Сатрапы! Палачи!

Услышав знакомые слова, Артюхов остановился.

– Над кем это Степка работает? – спросил он у караульного.

– Актеришка какой-то, – равнодушно ответил тот.

– Славно кричит! – тоном знатока отметил Артюхов. – И сколько ему прописали?

– Полсотни...

В голове Артюхова неожиданно промелькнула мысль, что само по себе было событием довольно редким. Он вдруг заволновался и, сказав загадочную фразу: «Неэкономно кричит! Охрипнет!» – быстро заковылял к подвалу.

А в этот момент в подвале жертва и палач мирно сидели друг против друга. Бубенцов раскидывал карты.

– Значит, так, – шепотом говорил Бубенцов, – снимаешь еще десять ударов, а я ставлю камзол... – И внезапно во весь голос заорал: – Ой, мамочка моя! Убьешь, мерзавец! – И снова перешел на шепот: – Согласен?

– Сдавай! – прохрипел экзекутор.

Он жадно схватил две карты и потребовал:

– Еще!

– Убийцы! – заорал Бубенцов.

– Не ори в ухо, – рявкнул экзекутор и понизил голос: – Карту давай, сука!

Бубенцов протянул карту.

– Девятнадцать!

– Мало! У меня – очко! – И Бубенцов открыл десятку с тузом...

– Убью, сволочь! – с искренней ненавистью сказал экзекутор, схватил розгу и, со свистом рассекая воздух, стал колотить ею по пустой лежанке: – Р-раз! Д-ва!.. Т-три!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.